

Дети готовьтесь ко дню ребенка!

Комиссия по проведению дня ребенка начинает свою работу по сбору подарков для детей по организации субботников и т. д. с 26-го сего июня. Желающие принять участие в этой работе записываются в женотделах при районных комитетах Р. К. П.

Детский праздник назначен на 4-е июля. Дети готовьтесь к своему празднику! Разучивайте стихи, песенки, сказки, пьесы для сцены, разные игры. Записывайтесь для участия в празднике в детских домах, садах, площадках, школах вашего района. Приготовьте к этому дню больше цветов, зелени, флажков. Будем играть веселиться, петь — в садах и рощах. Омский Совет Рабочих, Красноармейских Депутатов готовит Вам угощение, — все приходите на ваш праздник.

Не успокаивайтесь!

Всего хуже, когда после какой-нибудь удачи, мы начинаем вдруг успокаиваться. Вернули Киев, взяли Борисов — и часть товарищей начинает уже думать, что дело сделано. Нет ничего хуже для дела, чем такое отношение.

К сожалению плохо работающее за последние несколько дней радио не дает нам возможности установить точную линию нашего фронта. Сегодняшнее радио сообщает о нашем приближении к г. Виннице. Это показывает, что мы значительно продвинулись на юго-западном направлении за последние дни и находимся в тылу у противника.

Но вместе с тем последние газеты дают богатый материал о махинациях империалистов, которые все еще прокладываются против нас и направлены к тому, чтобы возможно более сил втянуть в войну против нас. Не прекращаются попытки толкнуть против нас Румынию. В Венгрии павла Хорти держит наготове 150 тысяч человек и уверяет, что может бросить их против большевиков. Австрию вынуждают отдавать аммуницию и

снаряжение польским панам, чтобы громить Россию.

Мы справимся со всем этим. Но для этого мы не должны ни на один день успокаиваться, будто нами все уже сделано, будто мы у цели. Борьба, несомненно, будет жестокой, потому что капиталисты всего мира сознают: будет бита белогвардейская Польша, будут биты (и в переносном, и в буквальном смысле) и они сами.

То же на Востоке. Иной прочтет телеграмму из Владивостока или Верхнеудинска, что японцы уволят войска из Читы и думает: ну, кончилось!

Нет, друзья — не кончилось еще; еще тянется рука хищника к нам, и нам надо быть готовыми, чтобы отсечь эту руку или отвести ее.

Иной наваливается на митинг, голосует за резолюцию и думает, что дело сделано. Гроша домашнего не стоит это сочувствие, если оно не сопровождается деятельным беспокойством за помощь фронту, усилением работы, усилением прежде всего снабжения фронта.

Всюду и везде — перел каждым крестьянином в особенности, надо ставить вопрос: а ты чем помог фронту, ты, остающийся в тылу, — выполнил ли ты возложенную на тебя обязанность, отдали ли ты стране хотя бы тот хлеб, что у тебя портится, гниет?

Надо положить конец.

Созданию детских домов Советской властью придается очень серьезное значение. Они должны быть не только домами приютиения и приютиения, а домами социального воспитания в коммунистическом духе. Хотя непосредственно делом воспитания ведают наробраз, но в этом заинтересованы все остальные учреждения Советской власти и в целом все общество. Учреждения в отдельных лица зачастую овою заинтересованность проявляют в несогласном излиянии на счет «бездарный» наробраза, вместо того, чтобы помогать ему на деле. Это, конечно, не значит, что все обстоит благополучно и в самом наробразе: там, конечно, есть недостатки.

Говорить об учреждениях надо условно и, постольку, поскольку есть там враги Советской власти, делющие свое гнусное, черное дело.

В доме 6. фабрикашта Блендовского по Марининской ул., д. № 3, поместили детский дом № 16, которому было предоставлено уютное и благоустроенное помещение в бывшем Губернаторском доме. Там, конечно, есть недостатки.

Проходят некоторое время, и фабрикант Блендовский, задумавшись о выводе из Губернаторского дома, начинает хлопотать через свою жену перед юридической комиссией Губернатора о возвращении ему вещей.

Комиссия лаконически постановляет: «снять с учета вещи (факт

Пусть же каждый поставит перед собой этот вопрос и не успокоится до тех пор, пока дело не будет закончено полной победой, пока он не сможет сказать: я сделал все, что было в моих силах для дела величайшей в мире революции.

В. Л. ЛАПИН.

№ 387). Далее не говорится, буквально ничего о возвращении этих вещей г-р. Блендовскому. Так как эти вещи уже находились в пользовании и на учете наробраза, г-р. Блендовский пускает в ход «буржуазную машину» и получает разрешение на получение таковых — одно из подотдела инспекции образования Городского Уездного отдела (причем инспекции?) — на плавание и другое — от инструктора социального воспитания г-р. Лебедевой — на домашнее воспитание.

В конечном счете — стены дома опустели, дети остались без питания и мебели, но за то сотрудники Блендовский торжествуют и упикиваются своей победой.

Какое впечатление это должно было произвести на детей, лишившихся самых необходимых предметов?

Чего должна положить конец этим преступлениям и безобразиям, а Наробраз должен поинтересоваться, от врагов рабочие крестьянской власти и инструкторов социального «нарушения».

С отправкой больных детей на курортное лечение в Боровое, обстоит также не все благополучно. Маршрут их следования: от Омска до Петропавловска по железной дороге, а от Петропавловска до Борового (приблизительно 250 верст) — на лошадах. Путь достаточно длинный и трудный, сопряженный с большими транспортными затруднениями.

Связь работников, ведающих лечением и отправкой, разрешил

этим детям получить на дорогу (2 дня) лишь хлеб, масло и колбасу. Что касается остального — сахара, чая и т. д. — этого они не получили. Выходит, что в нашем распоряжении выдано, причем в дороге до Петропавловска и дальше до Борового, едва ли они будут видеть горячую пищу.

Надо сомневаться, чтобы больные дети, требующие курортного лечения, получившие сухой паек на двое и даже больше суток, могли выдержать и не заболеть.

Если Сибдрав взялся за это дело, так ему следовало бы прежде всего организовать питание в дороге и создать соответствующую обстановку.

Если еще к недостаточному питанию добавить передвижение детей в плохо оборудованных теплушках — получим очень тяжелую картину. Несмотря на все на-

стояния руководители этой группы детей о предоставлении более удобного вагона, так как есть дети — дошкольники и тяжело больные, начальник станции заметил: «до Петропавловска не далеко и у меня нет разрешения на предоставление классного вагона».

Отправка детей производится довольно редко — приблизительно один раз в неделю — достаточно было бы для детей 2 вагона 3 или 4 класса.

Если, допустим, нет исправных вагонов, то надо надеяться, рабочее, зная указанную обстановку, могли бы во время суббота или воскресенье отремонтировать два вагона.

Со всеми этими безобразиями и недостатками надо покончить.

Н. И.

На краевых фронтах.

Из оперативной радио-сводки за 18 июня.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. На Коростевском направлении — мы продолжаем теснить противника отходящего вдоль железной дороги.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ. В Винницком и Жмеринском направлениях — поляки безуспешно пытаются остановить наступление наших войск, приближающихся к линии городов Винница.

По Советской России.

Отправка добровольцев на западный фронт.

БАРНАУЛ. 19. 1. 18-го июня были устроены торжественные проводы партии добровольцев и мобилизованных коммунистов на западный фронт.

Борьба с разгильдяйством.

В Туле главный железнодорожный трибунал разбирал дело о преступной непроизводительности тульских железнодорожных мастерских. Обвиняемые: комиссары, администрация, рабочие. Обвин-

ительный акт обрисовал тяжелую картину разгильдяйства, преступной халатности, небрежности, неосознанности и шкурничества. Лаца, виновные в прогулах с целью спекуляции — приговорены к 10 годам принудительных работ, миллионер, уснувший на посту — к 8 ми годам.

Комиссары, административный персонал — за неприятие всемер мер поднятия транспорта — к 3-м годам, остальные обвиняемые — за принудительными работами и заключением под стражу.

В СТЕПЯХ.

...Воздух сухой и прозрачный. В низинах расплеснулись озера, болота и калужины. Союженные солнцем травы тоскуют по влаге, склоненные к сухой земле. Молодой березняк раскинулся по степи бедно и скудно. Чалый, сучковатый, изломанный, приплюснутый к земле, он не тянет на отдых. Его тень скупа, его лепет — как истомленный шепот умирающего.

Цветы... Их так мало здесь, так бедны их краски. Только желтые лютики золотят тоскливые, меланхолические поляны, да синий ирис с беленькими разводами напоминает степи — как о кукушкиных слезах. Попадает белая ромашка, но она такая нежная, что умирает тотчас же, как только упадет в руки человека. В комнате отдувается в соленой воде, протоскует два-три дня и умрет...

Серые дороги хлестнулись по степи, ровные, серьезные, молчаливые. Едва едва продребезжит в дали одинокая телега, звучно всхрапнет лошадь, прозвучит тоскливая, протяжная степная песня. И снова, и на долгие степь погружается в молчание, лежит под небом тихая и таинственная печальная и могучая. Мирады стрекоз точно крупная пыль, поднимается из под ног и стремительно бызжет по всем направлениям. На каждом шагу — муравейник. Маленький трудолюбивый народ неустанно несет в свою маленькую кишми-кишащую коммуны нескончаемую ношу. В этой расплеснувшейся на

сотни и тысячи верст тишине все же идет непрерывная кипучая жизнь...

Д. Рядом приютились две займки. Ими владеют переселенцы — кохлы, которые живут в Сибири уже более десяти лет. Ларион — высокий и тощий, с длинными руками и шеей, сильный и загорелый, как бронза, кохил раньше посев. Он дождался дождей, окидывает хозяйским глазом свои владения — 24 десятины — и радуется.

— Теперь уродится. Комар появился — быть хорошему урожаю.

Две десятины у него засеяно купленной пшеницей. Пшеницу Ларион купил у приятеля, на тот, позвонившему, обильно его: прошли дожди, миловала целая неделя ясных солнечных дней, а на двух десятинах — ни одного росточка. На других полосах раскинулся зеленый ковар всходов, а две десятины лежат мертвые, урюмые, серые.

— Надо будет перепахать под овес, — говорит Ларион.

И снова по утрам, едва взойдет солнце, я слышу скрип Ларионовой плуга. Снова пещется на солнце его бронзовое, тощее лицо.

Петро сам удивляется своим способностям: — Двенадцать лет не пахал, а как нужно стало — ни от кого не отстаю. Смотрите: восемнадцать десятины один взорочал.

Это верно. Он, такой маленький, но крепко сколоченный, с большим интеллигентским лбом, — работает не хуже привычного к тяжелой полевой работе — Лариона.

III. Между займщиками идет непрерывная глухая вражда. Так, вешая, они дружат между собой, ходят друг к другу в гости, вместе пьют самогонку и каждый хвалится своим хозяйством. На миг они смотрят, как на своего человека, но каждый из них не прочь извлечь из меня какую-нибудь выгоду. В особенности первое

время, как только я поселился около них на отдых, они на перебой старались ухаживать за мной. Один посылает с женой молока, другой солений грибов, оба зовут обедать и оба говорят о том, что народ небогатый...

Петро и Ларион хитры и неумоверно. Жена Лариона, Марья, пожалуй, еще хитрее, чем ее муж. Она первое время настолько лживо ухаживала за мной, что становилось противно. Потом я узнал в чем дело. Однажды она, извиваясь и подхихкивая, начала меня безудержно хвалить. Это не помогло. Тогда она впала в грустный тон и заговорила о том, что ей приходится платить по тысяче рублей за аршин плохенького ситчику.

— Все в конец обносились...

— Не знаем как и жить...

За одну четвертую молотка она брала с меня 200 рублей. Ларион продавал двух лошадей за сто тысяч.

Я сказал: — Я не комиссар... Да еда ли и комиссар мог бы дать нам мануфактуры, если только он не подлец и не взяточник.

Марья улынулась.

— Мы тут наемные самогонку гнали... Так, для себя больше. Кто то донес... Приехали из города комиссары, взяли пять тыщ — и уехали...

— Милиция?

— Милиция.

— А теперь — как?

— Бросили. Зарабатываешь тыщу, а отдашь две...

Она сказала правду. И мне было невыразимо стыдно за милицию. Впрочем, большинство ее мы получили в наследство от Колчака.

— Мне бы Ларион десятка всего, — снова говорит Марья о ситце. Показывает один за

другим свои невыразимо изорванные сарафаны. И я понимаю, что ситце ей действительно нужно, что и вправду обносилась вся семья, но вспоминаю раздетых и голодных рабочих, которые уже целыми годами не видали такого борща, какой-каждый день ест семья Лариона, и мне становится горько.

— Разверстка на вас была? — спрашиваю утробно.

— Нет. Мы ничего не слышали.

А по лицу ее вижу, что она очень хорошо знает — что такое разверстка. И говорю:

— Те, кто выполнил разверстку, давно получили и спички и мануфактуру...

Марья недоверчиво качает головой.

— И по многу?

— Порядочно.

Она понуро идет к хате, а вечером, вместо условленной четвертой молотка, я получаю только одну кринку. Очевидно, Марья не поверила мне и хочет взять меня измором, потому что молоко, которого тут нигде не достанешь, кроме как у Марьи, составляет для меня единственный продукт питания.

На другой день я не получил молока совсем. А когда явился к Марье за объяснениями, она не глядя на меня, утробно: отпустила:

— Кокарей очень много. Укусил один, корова хляла ногой по дойнику и разлила весь удой... Убытку рублей на пятьсот будет...

— Куплю вам масла, яиц и мяса. Не знаю — удастся ли только провести... Муку и мясо отбирают на перевозе, когда переедешь на городскую сторону через Иртыш, а мясо и яйца отбирают глупые сельские Советы и комиссары. Они ведь не читают никаких распоряжений центральной власти. Поймают, отберут — и съедят сами. Да еще смеяться будут, как укажешь на постановление...

— Может, не отберут.

— Не отберут — привезу. Вечером Ларион зовет меня к себе. На столе — капуста, жареная картошка с мясом и бутылка самогонки. Дочь ставит самовар.

— Повечеряем, чем бог послал...

Марья смотрит на меня ласково.

Я сел.

Ларион смотрит из подполы, хитро. Марья наливает самогонки.

— Давайте выпьем. Давно я хотела с вами выпить. Ну, муженек...

Когда мы выпили, Мария, заметно повеселевшая, начинает жаловаться на белых:

— Все поддлец, забрала. Была коровка... красавица, в округе не было... Зарезали оканьяные... На глазах зарезали.

Ларион поддерживает:

— Последнюю лошадь один офицер хотел взять. Я к полковнику, да в него. Оставили. Ну, жене, налей...

Когда на столе появился самовар, Ларион говорил, показываясь:

— Я тут — сторожил. Всю нежность караюлю от Советской власти, жалование полу...

За границей.

В Америке.

Бесчеловечность американской буржуазии.

В газете «Дейли Ньюс» от 3 мая помещена корреспонденция из Нью-Йорка, характеризующая то остервенение, с которым американская буржуазия преследует американских революционеров и которое возмущает даже корреспондента умеренной английской газеты.

Нью-Йорк, 1 мая. Со времени свержения царя не было таких ужасных судебных приговоров за политические преступления, как тот, который постановлен сегодня и осуждает на 15 лет тюремного заключения Моли Стеймер, девушку 20 лет, которая уже была осуждена в октябре 1918 г.

Первое предъявленное к ней обвинение заключалось в том, что она раздавала воззвания против закона об обязательной воинской повинности. Позже она пропагандировала «анархию» в Нью-Йорке. Она заявляет:

«Я отправляюсь теперь в тюрьму убежденная, в том, что скоро наступит время, когда мировая революция покончит со всеми эксплуататорами, милитаристами и тиранами, когда государство, тюрьма в всякого рода рабство будет уничтожено; когда каждый человек сумеет выразить свое мнение в том виде, как им будет руководить его мысль и совесть совершенно не считаясь с тем, что нам дозволено или недозволено сказать; когда не будет цензоров и преследований и свобода станет фактом.

«Общественное мнение» возмущено, и Стеймер является убежденной юной революционеркой. Однако для девушки такое наказание является прямо таки невероятным, — говорит в заключение буржуазный корреспондент.

В Германии.

Отставка кабинета.

НАУЭН, 9 июня. (Радио). Кабинет министров вручил вчера днем президенту Эберту свою

отставку. Принимая отставку, президент просил кабинет временно продолжать работу. Государственный канцлер просил Эберта потвориться официально объявлением результатов выборов, чтобы ускорить созыв рейхстага. Относительно срока созыва нового рейхстага царит полная неизвестность. Что касается будущей политической конституции, то социалисты больше шансов надеются на возможность новых коалиций со средними партиями на более широкой базе. Германская национальная партия заявляет, что вопрос о конституции в настоящее время не подлежит обсуждению. Она, согласно принятому участию в работе по организации государства на базе существующей конституции. По мнению буржуазной прессы, согласие их партий на присоединение националистов в коалицию маловероятно. Немецкая народная партия опубликовала заявление, которое следует считать официальным, что авторитет государства был разрушен только благодаря царившей до сих пор партийной системе. Восстановление этого авторитета является первой задачей. Этой цели можно добиться только в том случае, если портфели не будут распределяться в соответствии с количеством полученных разными партиями на выборах голосов и на будут назначаться такие представители высшей власти и министры, которые будут контролировать действия правительства в интересах отдельных партий. Немецкая народная партия требует, кроме того, права вето для рабочей палаты во всех экономических вопросах, которые должны оставаться в стороне от политики. Независимые продолжают оставаться в оппозиции, хотя оставляют открытым путь для возможных соглашений.

(РОСТА).

Италия.

Тайное итапо-германское соглашение.

НИКОЛАЕВ, 8 июня. (Радио). По сведениям из Бухареста, тайное итапо-германское соглашение ныне достоянием печати.

Этим и объясняется поведение Нитти на всех союзных конференциях. В настоящий момент фактическим руководителем Италии является партия Джолитти. Не стоя официально у власти, последняя руководит иностранной политикой Италии что подтверждается тем что германские филлы принимали непосредственное участие в составлении последнего кабинета (РОСТА).

Испания.

Резолюционное движение. РЕВЕЛЬ, 8 июля. (От корр. РОСТА). «Информацион» от 29 мая описывает подробности революционного рабочего движения в Испании. В нескольких городах объявлено осадное положение. Движение началось выражением протеста против дороговизны, но затем приняло политический характер. При объявлении забастовок рабочие не выставляют никаких экономических требований. В некоторых городах женщины с красными флагами требовали освобождения арестованных «синдикалистов». Ассоциация рабочих в Мадриде и национальная конференция труда в Барселоне утверждают, что их поддерживает французский итальянский и португальский пролетариат.

Кабинету Дате предъявлено требование о восстановлении конституционных гарантий, освобождении арестованных и об открытии закрытых правительством рабочих организаций.

(РОСТА).

Турция.

Оккупация Армении революционной армией.

НИКОЛАЕВ, 8 июня. (Радио). По сведениям из Салоник от 29 мая, турецкая революционная армия, под командой полковника Кара Бежиры, вступила в Армению с целью оккупации ее. Проведение армии вызвало в

Воостание в Багдаде.

ПЕКИН, 17 VI. Телеграмма из Багдада сообщает о нападении на город туземцев. Последними захвачен телеграф, правительственные здания и убито несколько официальных лиц. Англичане выслали карательный отряд.

(Дальта).

Армении сильную панику и кровопролитные беспорядки, устроенные турецкими националистами.

Соед. Штаты.

Отказ в пропуске в Россию РЕВЕЛЬ, 8 июня. (От корр. РОСТА). Латвийское телеграфное агентство сообщает из Лондона от 4 го июня: «По сообщениям из Вашингтона, министерство иностранных дел отказывается выдать паспорта американской торговой миссии, направляющейся в Россию». Американская пресса сообщает, что переговоры англичан с Красным до сих пор не оказали влияния на русско-американские отношения».

(РОСТА).

Социалистка—кандидатка в вице-президенты. ХРИСТИАНИА, 8 июня. (Радио). Социалистка О Хэр, выставленная кандидаткой на пост вице-президента Соединенных Штатов, выпущена из тюрьмы. Вашингтонский корреспондент «Дейли Геральд» полагает, что в связи с этим скоро будет также освобожден из тюрьмы Евгений Дебс.

(РОСТА).

В Битие.

Протест против грабительской политики.

ПЕКИН, 17 VI. Ассоциация китайской печати обратилась к дипломатическому корпусу с указанием на стремление Японии вести агрессивную политику в Китае.

Китай предлагает Японии отказать от оккупации денег, нужных для просвещения народа.

(Дальта).

ПЕКИН, 17 VI. В связи с успехом южных войск положение анфуистов ухудшается. Северные войска отступая громят города и разоряют жителей.

(Дальта).

К занятию Николаевска на Амуре японцами.

ПЕКИН, 17 VI. Японское морское министерство перечисляет имена военных судов из состава третьей эскадры, посланной в Николаевск на Амуре, в количестве 14 ти.

(Дальта).

Последние известия.

Азербейдн и против Польши.

Ц. К. Азербейджанской парии составил из коммунистов 1-ый Бакинский Рабочий полк, который выступает на фронт.

Брангель и Англия.

РЕВЕЛЬ, 15 VI. Командиры английских судов на Черном море получили приказ не поддерживать Врангеля как в наступательных, так и оборонительных операциях.

Развал Болгарии.

ОДЕССА, 18 VI. В Болгарии почти финансовый крах. Бюджет сведен дефицитом почти до миллиарда. Уплата контрбанди союзникам невозможна. Однако, Болгария должна выдать ргальный скот, уголь, паровозы. По всей стране проходят забастовки.

Собираются расправиться.

Воспал суд в Константинополе приговорил к смертной казни главу националистического движения в Турции—Мустафа-Кемаль-Паша и его ближайших соучастников.

Снова пана.

ОДЕССА, 17 VI. Пана обратился к католикам всего мира с призывом принять все меры к прекращению войны.

Агитационные курсы.

ЯКУТСК, 15 VI. В целях широкого ознакомления населения с сущностью рабоче-крестьянской революции при пролетарской школе открыты краткосрочные агитационные и педагогические курсы. Обязательными слушателями являются коммунисты, работники по народному образованию и учащиеся старше 16 лет.

(Сиброст).

Выборы в городской совет.

ТАТАРСК, 18 VI. Закончились выборы в городской совет. Избрано депутатов 91, из них коммунистов 56 и сочувствующих 35; настроение избирателей проникнуто всемерной поддержкой советской власти. Начались выборы в сельские советы в волостях.

(Сиброст).

Партийная дисциплина.

Уездный комитет Березовской организации Р. К. П. Новгородской губернии решил отправлять в концентрационные лагеря своих членов, непосещающих работ.

Продовольствие и снабжение.

БЕСРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ.

На 28-е июня в Москве Народный Комиссариат по продовольствию созывает всероссийское продовольственное совещание.

ДЕПЕТАЧЕСТВО ОТДЕЛА ПИЩЕВЫХ И ВКУБОВЫХ ВЕЩЕСТВ.

Мукомольный подотдел имеет в своем ведении мукомольных мельниц 8 национализированных, 24 частных на учет, и одну групповую. Из общего количества 32 мельниц 13 находится в Омске, 19 в уездах и губернии. Перемолото в течение месяца 218.826 п. зерна пш. муки, и проса 944 пуд.

Из 19 уездных мельниц работало 14, с производительностью в 20.900 пудов в сутки.

Колбасное производство насчитывает 6 колбасных предприятий сальотопильный завод и 2 мясных. Вследствие отсутствия материалов, все эти предприятия в мае работали неудовлетворительно; вместо нормы в 4475 пуд. выработано колбас 1094 пуда. За полым количеством материалов все предприятия остановлены с 1-го июля.

Табачное производство определяется 10-ю предприятиями, работающими на 5. Выработано 3.933.010 шт. папирос. Кофейное производство. На 2-х кофейных заводах выработано 1367 пуд.

кофе. На выработку употреблено 1928 пудов люмина, 34 саж. дров.

Макаронное производство. На 2-х заводах выработано за май 1027 пуд. макарон.

Производство фруктовых вод. Из 5 заводов работало 2, выработано 2613 ведер фруктовой воды, на что употреблено 62 пуд. сахарной пудры, 25 кило сахара. Производство содового напитка не разрешено.

Кондитерское производство. Работает только 1 кондитерская (близ. Золотая), выработано 153 п. карамели, 25 пуд. шоколада.

Обработка леса.

Завод № 1. Апрель месяц для лесопильного завода был самым неблагоприятным. Недостаток рабочих вынудил заводу управление перейти с трех на две смены, производительностью по 11 часов в смену. Мера эта проведена с согласия союза деревоблокачников. В общем, работа шла с большим напряжением, благодаря чему завод своевременно закончил всю распиловку, избежав урона, а леса разливом Иртыша,

за сто тысяч... И все ушло на долги. За тридцать тысяч корову купил, остальные все разошлись, даже не хватило. Приходится купленную корову продать. Уже и покупатель есть... сорок дает.

— И продашь?

— Продам, коли даст пядьдесят. Новую лошадь тоже продаю. Тридцать три заплатил, а дадут шестьдесят — уведи... Марья, достань-ка еще самогонки.

Марья тянула по-немногу, Ларион пил чайной чашкой. Она, прищурившись, смотрела на меня и подливала самогонки. Я отказался.

— Она-ж не крепкая...

Ларион бубнел, нагнувшись над столом:

— Непременно надо выслать Петро. Спе-ку-лянт... За мукой и за мясом к своим поехал. Купит по четвертному, продаст по восьмидесяти...

— А у него такая же заимка, как и у тебя...

— Все равно... выслать и никаких...

Простились мы холодно. Ларион никак не мог понять: то ли я не комиссар и никакого веса не имею, то ли комиссар, но сжился с Петро и не хочу его выселить с заимки, чтобы насолить Лариону.

На другой день и потом мне перестали давать молока.

В. Когда я вернулся от Лариона, жена Петро пригласила меня пить чай. Отказаться было нельзя: пил чай у Лариона, пей и у Петро.

Чай пьем на лугу. Ем соленые груши и твердую, как резина, студень, и слушаю жалобы на Лариона:

— До красных я купила у Лариона за пять тысяч его заимку... Тайком от мужа накопила три тысячи, две заняла и отдала Лариону. Потом при-

шли красные. Ларион на счет заимки и не чешется. И деньги прижал. Молчит. Хитрый они и злой народ... Когда отступали белые, оставляли лошадей, что похуже... Ларион пару забрал и продал. Теперь вот и живет... Тут он сторожем был, нашу заимку караулил, так не поверите ли—все у нас растаскал и все распродал, а теперь сваливает то на белых, если с ним красный говорит, то на красных, если говорит белый. Так и у других, в особенности на дачах, которые он караулил. Жулик человек.

Она налила по новому стакану и продолжала:

— Теперь нас выжить собираются, чтобы одному огородом завладеть. И ведь все, что уродится—все на спекуляцию...

Затихла степь. Чахлые уродливые березы стоят недвижно, словно прислушиваются. Неожиданно заскрипел коростель, в болотах застонала выпь. Пунцовый закат разлился по горизонту и кровавым отблеском отражается в озерах.

— Мы живем законно, — говорит жена Петро, — но это только с виду. Все, что зарабатываем, мы продаем и тратим на себя. А Ларион—копит в тряпичку...

По нежной степной росе я иду домой.

VI.

Бог весть с коих пор у матери сохранился ситец мне на рубаху. Бойна, а затем революция отбросила меня далеко от родных. Только в прошлом году мне удалось, после пятилетней разлуки побывать на родине. Мать собрала ситец и когда я уезжал, отдала мне. Теперь я завертываю его в газету и несу к Марье, чтобы за подарок получить от нее

молоко по 200 рублей за четверть.

Полдень. Окна в Ларионовой заимке занавешены, должно быть, от жары.

Вхожу. В передней комнате в полутьме за столом сидит Ларион. Перед ним — толстые пачки денег. Пачка толщиной с дюйм—десятирублевые, пачка толщиной с дюйм—пятирублевые, пачка толщиной с дюйм—двухрублевые, пачка толщиной с дюйм—однорублевые, пачка толщиной с дюйм—полторублевые, пачка толщиной с дюйм—двухкопеечные, пачка толщиной с дюйм—однокопеечные. И целый ворох других, более мелких купюр.

Ларион смущен. Он подвигает к себе деньги, но не убирает их: все равно я их уже видел. Затем, неторопясь, начинает складывать, повидимому, так и не сосчитав.

Спрятав деньги, он достает кисет и мы молча кушим крепкий маньчжурский листовый табак.

— Голодно? — точно издаваясь, спрашивает Ларион.

— Нет, ничего.

— Может, борщу?

— Спасибо. Мне бы только молока.

— Лечитесь?

— Да... нервы...

Когда приходит Марья, я отдаю ей ситец, получаю кринку молока и иду к себе.

Материн ситец не помог. Марья по-прежнему относится ко мне не то враждебно, не то презрительно. В ее глазах я—человек так себе: никакой не комиссар, власти не имею, а потому—ни [какой] во мне пользы. Молоко за 200 р. четверть я аккуратно получал только два три, а потом снова то комары, то пропала корова, то больна Марья и некому доить. Уважение ко мне восстановилось только тогда, когда ко мне приехали в гости комиссары. Настоящие комиссары да еще продовольственники.

Ларион ходил около, Марья предлагала до того, то друго-

го. Но нам ничего не было нужно. Комиссары привезли с собой немного масла, редиски и хлеб.

Пока я готовил еду, у комиссаров—продовольственников загорелся спор—правильна ли политика Советской власти в вопросах продовольствия и не пора ли разрешить в виде исключения на территории Сибири вольную торговлю. Продовольственники спорили длинно и ожесточенно. Одна часть защищала главного продовольственного комиссара, другая с треском и ожесточением окончила на него. Одни хвалили сибирского середняка и говорили, что это совсем другой средняк, чем в центральной России, не собственник, а врожденный советский работник. Другие доказывали, что сибирский средняк отличается от кулака только тем, что он еще не успел стать кулаком, но при Советской власти благодаря той мужицкой жадности и шкурочерству, непременно и очень скоро станет.

— Дай ты ему плуг и мануфактуру, он отдаст тебе последний фунт мяса и—последний пуд зерна.

— Ни черта он тебе не даст! Мануфактуру, и плуг он пустит в ход, зерно припрятает; а мясо слопает сам или продаст спекулянту.

— Позвольте, на кого же в таком случае мы опираемся?

— На середняка?

— На кого же?

На рабочего, мил человек! — Рабочий не прозаводит хлеба.

— Он умеет его добывать у тех, кто его производит. Средняк, конечно, с Советской властью, потому что она ему выгодна. Он догоняет кулака.

— А кулак?

— Ларион стоит неподалеку

и слушает. И по его лицу я вижу, что ему нравится этот непонятный, «умственный» разговор.

По степи разлетались тени. День прошел. В полверсте сверкает сталью Иртыш, и в его глубине блекнут закатные отражения. От озера и болот закурлился туман.

Я слушаю, как бессильно бьются в тенетах раздвоенности эти лучшие пролетарские силы, и понимаю—насколько устали они, чтобы не понять всей ужасающей простоты того дела, о котором они спорят. Я смотрю на Лариона, вижу его оторванность от других, таких же как и он, мужиков и понимаю, что даже Советской власти, при ее огромном культурно-просветительном аппарате, никогда не удастся просветить эту темную, хищную и алчную душу. Этому алчному и хищному зверю дать возможность спекулировать... Он ограбил бы весь мир, если бы только мог, сам не зная для чего, и издох бы во время своей каторжной работы на полосе, оставив гнить в тряпичке все свои, накопленные на несчастии голодных, богатства...

Сухой степной воздух ласкает тело. Скоро ляжет на траву роса. Хорошо размяться на ней, смотреть на неподвижно мигающие звезды и думать о будущем, когда из жизни уйдут все Марья и Ларионы...

Снова трещит коростель. И мне кажется, что какой-то неумоленный труженик в этом чахом березовом лесу неустанно пилит тупой пилкой чахлаую узловатую березу—и никак не может перепилить.

Сегодня я сыт. Вспоминаю Москву и жалею товарищей: может быть, в этот момент многие из них ложатся в по-

стель, не видав за целый день даже восьмушки хлеба. Ухожу, подавшие, раскидываю и жестокой выжженной солнцем степной траве, уже начинающей покрываться росой, и погружаюсь в тихую шемшающую тоску. До меня доносятся голоса комиссаров-продовольственников, неумоимо спорящих о том—правильна или нет продовольственная политика Советской власти и не пора ли дать Ларионам свободнее грабить городское население, голодных и раздетых рабочих...

VIII.

Комиссары уехали. Ларион спекулирует без зазрения совести. Он снова продает и покупает. Полевые работы кончены, на досуге надо заняться каким-нибудь прибыльным ремеслом. У него появляется на дворе и вновь исчезает куда-то уже четвертая корова и третья лошадь. Марья жалуется на бодрость и недостаток мануфактуры. Вчера они купили дочери за три тысячи модные туфли на высоких каблучках. Огромная крестьянская нога девки в туфле стала меньше и изящнее. Теперь она мечтает о чешуновом платье и о шляпе, почему то непременно с страусовым пером. В будущем году собирается выйти замуж.

Комиссары мне помогли, но не долго. Кроме меня, у Марьи много желающих получить молоко. И она из одного ведра делает три. Я пью эту странную белесоватую бурду, за которую я плачу по 200 руб. за четверть и сокрушаюсь только о том, что пребываю в полном неведении—какою водой разбавляется молоко—сырой или кипяченой. Я помню расклеенную по Омску афишу с нелепым заглавием: «Бритесь холеры!» (очевидно, вместо: ос-

Красная армия и книга.

Спеши скорей... Снимай свои
 вериги
Учись, читай и размышляй,
На всякий твой вопрос, тебе
 ответят книги
В них все найдешь — лишь толь-
 ко пожелай..
В них глубь веков, и тайны
 мироздания,
В них жизнь земли, и жизнь
 ее детей..
В них вечный свет любви доб-
 ра и знания
Иди же к ним уюбней и сме-
 лей..
Ив. Милотин

гублескома и по организационо с. губ. профсоветом и губоиваџилом, припад на помоћ з. даје разируеки дров и тиме овозможавало и обе и оспод.

